Журнал практической психологии и психоанализа

#4 декабрь 2001 г.

Любовные отношения и их нарушения

А.Адлер

Чтобы полностью узнать человека, необходимо понять его также в его любовных отношениях... Мы должны сказать о нем, верно или неверно ведет он себя в вопросах любви, мы должны понять, *почему* в одном случае он поступает должным образом, а в другом случае - нет. Таким образом, сама собой добавляется еще одна задача: найти способ подступиться к тому, чтобы предотвратить те или иные неудачи в любовных отношениях. Если вспомнить, что от решения проблемы любви и брака, пожалуй, зависит прежде всего человеческое счастье, то нам сразу станет понятным, что мы имеем перед собой множество наисложнейших вопросов.

Одна трудность возникает при обсуждении этих вопросов уже *в самом начале* - большинство людей говорят о ней сразу. Все люди разные, и, наверное, два человека в иных условиях могли бы быть более счастливы, если бы, например, каждый из них нашел другого партнера. С этой возможностью можно легко согласиться, но она свидетельствует только о том, что данные люди сделали плохой выбор. Ищем ли мы причину неудачи в вопросах любви в плохом, неправильном выборе или рассматриваем случаи, в которых человек все равно бы потерпел неудачу, потому что он *должен* был потерпеть ее в силу более глубоких причин, - во многих случаях знание человеческой души и ее движущих сил способно уберечь нас от промахов. Вопрос о любовных отношениях является частным вопросом человеческой жизни. Его понимание возможно только в том случае, если мы будем учитывать его связь со всеми остальными жизненными вопросами. Жизнь ставит перед нами три комплекса важнейших задач, от решения которых зависит наше будущее, наше счастье.

Первая жизненная задача - это *общественная* задача в самом широком смысле. Жизнь требует от каждого определенного поведения и развитой способности к контактам с окружающими нас людьми, определенного поведения в семье и формулировки своей социальной позиции. Для судьбы человека небезразлично, какой, например, социальный порядок он выбирает как задающую направление цель, насколько в своих поступках он думает о собственном благе и насколько - о благе других. Нередко при этом его внутренний выбор трудно обнаружить во внешних решениях, часто он вообще не может прийти к решению в вопросе о социальной позиции, и часто его точку зрения следует понимать в ином смысле, нежели в том, который выражается внешне. То же самое относится и к политической позиции. Редко встретишь людей, довольных своей партией, но очень часто - тех, кого, собственно говоря, можно было бы причислить к другой партии. Их отношение к человеческому обществу, их отношение к ближним в самом широком смысле всегда играет огромную роль, но не ту, что им и другим людям кажется.

Следующая жизненная задача, которая ждет нашего решения, - *профессиональный вопрос*, то есть вопрос о том, каким образом человек хочет принести пользу обществу. Решение этого вопроса необычайно резко высвечивает сущность человека. Если мы, например, слышим от юноши, что ему претит любая профессия, то мы не будем пока его считать настоящим социальным человеком: либо потому, что он *еще* не созрел для общества, либо потому, что без наставлений, сам по себе, он так и не станет зрелым. К выбору профессии ведут

бессознательные связи, которые дают о себе знать у подавляющего большинства людей. Эти связи бессознательны потому, что никто, выбирая профессию, не думает, что он совершает шаг, приносящий благо обществу, что он ищет свое место в общественном распределении труда. Далее, однако, вопрос заключается в том, *как* он выполняет свою работу. Есть люди, которые выбрали профессию, но терпят неудачу или некоторое время спустя понимают, что им, собственно, нужно было что-то другое. Из факта частой смены профессии мы заключаем, что перед нами люди, которые, в сущности, вообще не хотят иметь никакой профессии, которые, возможно, считают себя слишком хорошими или слишком плохими для любой профессии и ведут себя так, словно делают одолжение.

Третий жизненный вопрос, который должен решить любой человек, - это *вопрос любви и брака*, который мы хотим рассмотреть здесь особо. К этому вопросу ребенок готовится постепенно. Все его окружение исполнено отношениями любви и брака. Нельзя не признать, что уже в самые первые годы жизни ребенок пытается занять свою позицию по этому вопросу и выработать свое направление. То, что мы слышим на словах, не является важным, ибо как только заходит речь о вопросах любви, ребенком часто овладевает неимоверная робость. Есть дети, которые совершенно определенно высказываются, что не могут говорить на эту тему. Есть дети, которые очень привязаны к своим родителям, но не могут быть с ними нежными. Один четырехлетний мальчик, когда его хотели поцеловать, отвечал на это ударами по лицу, так как проявление нежных чувств было ему неприятно, вызывало у него тревогу и казалось прямо-таки унизительным. Если окинуть мысленным взором нашу собственную жизнь, нельзя не заметить, что каждое проявление нежности сопровождается своего рода чувством стыда и впечатлением человека, что из-за этого он становится слабее или менее ценным. Это кажется весьма странным и требует объяснения. Мы растем с такой установкой, как будто выражение нежных чувств является чем-то постыдным. Эта установка соответствует общей направленности нашей культуры на мужской идеал. Соответственно, наши дети постоянно воспитываются школой, литературой и окружением в направлении, в котором любовь расценивается как своего рода отсутствие мужественности, и порой это выражается совершенно отчетливо. Некоторые заходят здесь настолько далеко, что о них можно говорить как о людях, *боящихся чувств*.

Первые нежные побуждения у ребенка проявляются уже в самом раннем возрасте. Проследив за их развитием, мы с легкостью можем установить, что все они являются побуждениями *врожденного чувства общности*. То, что чувство общности является врожденным, вытекает из постоянства, с которым оно каждый раз возникает. Степень его развития дает нам возможность увидеть отношение к жизни. В понятии "человек" уже заложено все наше понимание чувства общности, мы не могли бы представить себе человека, который бы его потерял и тем не менее продолжал бы называться человеком. В истории мы также не обнаруживаем изолированно живущих людей. Где бы мы ни встречали людей, мы видим, что они живут в группах, разве что только отдельные люди были, например, искусственно или по причине безумия изолированы от общества. Говоря о животном мире, Дарвин указывает, что в группах живут те живые существа, которые занимают менее благоприятную позицию по отношению к природе. Витальность, жизненная сила таких животных проявляется в том, что они объединяются в группы, бессознательно следуя принципу самосохранения. Мы можем далее понять, что все отдельно жившие животные, которым в их суровом развитии недоставало чувства общности, должны были погибнуть. Они пали жертвами естественного отбора. Принцип естественного отбора опасен также и для человека, потому что в физическом отношении природа обошлась с ним самым немилосердным образом.

Ситуация неполноценности и недостаточности человеческого рода является источником постоянного стремления и принуждения - стимула к достижению состояния покоя и постоянства. На этом пути мы находимся еще и сейчас, и лучшим утешением для человека является сегодня, пожалуй, сознание того, что наша нынешняя ситуация есть не что иное, как *переходный момент*, кратковременная фаза в человеческом развитии. Разумеется, легче ее пройдет тот, кто находится в согласии с реальными условиями, кто отвечает логике фактов, тогда как безжалостная судьба постигнет, естественно, тех, кто этой логике противоречит. В

самом же глубоком смысле ощущение логики совместной человеческой жизни есть не что иное, как *чувство общности*.

Все развитие ребенка требует введения его в ситуацию, в которой имеется чувство общности. Его жизнь и здоровье гарантированы только в том случае, если существуют люди, которые за него заступаются. Новорожденный теленок уже вскоре после появления на свет может, например, различать ядовитые растения. Но новорожденный человек вследствие неполноценности своего организма предоставлен чувству общности взрослых; ребенка нужно долго выхаживать, учить и воспитывать, прежде чем он приобретет способность сам о себе заботиться.

Даже когда мы рассматриваем способности, составляющие нашу гордость и обеспечивающие нам преимущество перед другими живыми существами, как-то: разум, логику, язык, понимание и предпочтение нами всего хорошего и прекрасного, то и в них тоже мы можем увидеть только те преимущества, которые *отдельный* человек никогда не смог бы создать, поскольку их могла породить только коллективная психика. Поэтому мы удовлетворяем потребности, которые никогда бы не обременяли индивида, если бы не стали жизненными в человеческом обществе. Для *отдельного* человека, который не был бы связан с обществом, сознательная, сознательно отслеживаемая логика не имела бы никакого значения, ему не нужно было бы говорить, ему было бы все равно, добрый он или злой; более того, эти понятия из-за отсутствия связи с человеческим обществом, с ближними, как у живущих порознь животных, утратили бы всякий смысл. Все качества душевной жизни человека, все достижения человеческого духа возможны лишь постольку, поскольку люди связаны между собой.

И об этой взаимосвязи печется не только нужда, не только настоятельные потребности дня, но и наша сексуальная организация. Разделение человечества на два пола отнюдь не приводит к обособлению; оно означает вечное стремление друг к другу. Оно порождает чувство взаимного родства, поскольку в венах каждого течет общая кровь, поскольку плоть каждого есть плоть другого. Брачные законы народов следует понимать только с той точки зрения, что любовь в них расценивается как общие узы группы. Они запрещали браки и половые отношения среди членов одной семьи потому, что это вело бы к изоляции семей. Поэты, религии, священные заветы выступают против инцеста и пытаются его искоренить. Самые образованные люди ломали себе голову над тем, в чем, собственно, причина естественного отстранения членов семьи друг от друга. Оно объясняется развитием в каждом ребенке чувства общности, исключающего все возможности, которые могли бы вести к изоляции человека.

То, что мы называем в собственном смысле *любовью*, отношением между полами, всегда неразрывно связано с чувством общности. Любовь как отношение двух людей и как составная часть чувства общности имеет свои собственные законы. Поскольку она является необходимым компонентом сохранения человеческого общества, ее нельзя понимать в отрыве от него. Кто позитивно относится к обществу, тот, безусловно, позитивно относится и к любви. Кто обладает чувством общности, тот будет выступать за брак или равноценную или превосходящую его форму любви. У того же, у кого чувство общности подавлено, кто не сумел прийти к свободному проявлению своей сущности в рамках человечества, любовные отношения будут иметь обособленный характер.

Оглядываясь назад, мы можем теперь сделать несколько заключений, которые облегчат нам рассмотрение огромной области любовных отношений и несколько рассеют темноту. Мы можем утверждать, что человек, социальное развитие которого пострадало, у которого нет друзей, который не стал подлинным социальным человеком, который называет своим мировоззрение, противоречащее чувству общности, который, наверное, также не смог благополучно решить свой профессиональный вопрос, то есть опять-таки тот, кто полностью или почти полностью потерян для общества, должен испытывать трудности в своих любовных отношениях и даже едва ли будет способен решить эротический вопрос. Такие люди будут выбирать необычные пути, создавать трудности и хвататься за них как за защитную отговорку. Подобные трудности мы хотели бы рассмотреть здесь несколько ближе; при этом мы придем к более глубокому

пониманию всей проблемы. Мы сможем утверждать: также и в любовных отношениях человека проявляется *вся* его *личность*. С одной стороны, мы можем из его любовных отношений понять его личность, с другой стороны, из понимания всей его личности - догадаться о соответствующих ей особенностях эротических притязаний.

Очень часто в вопросе об эротических отношениях мы встречаем весьма распространенные, однако ошибочные предположения, что любовь одного налагает обязательства на другого.

Если чуть-чуть прислушаться к жизни и при этом немного понаблюдать за собой, то мы сможем убедиться, что очень часто совершаем ошибку, полагая, что любимый человек обязан нам уже тем, что мы его любим. Похоже, что это заблуждение в той или иной степени содержится во всех наших проявлениях. Оно проистекает из детства и из отношений в семье, в которой и в самом деле любовь одного чуть ли не делает должником другого. Мы носим в себе только остаток этого детского представления, желая перенести подобные отношения в жизнь. Возникающие из этого заблуждения группируются вокруг следующего хода мыслей: "*Раз* я тебя люблю, ты должен делать то-то и то-то". Тем самым и отношения между людьми, которые действительно привязаны друг к другу, нередко приобретают гораздо более жесткий уклон, а потребность во власти индивида, который, подчеркивая собственную любовь, хочет втянуть другого в свою схему, в свой шаблон, требует, чтобы поступки, выражения лица, манеры, успехи и т. д. соответствовали его желаниям, только по той причине, "что он этого человека любит". Это с легкостью может переродиться в тиранию. Ее следы мы находим, пожалуй, во всех любовных отношениях.

Таким образом, мы видим фактор, пронизывающий любовную жизнь людей, который всегда ведет к нарушениям совместной жизни: стремление к власти и личному превосходству. В человеческом обществе необходимо уважать свободу индивидуальности и предоставлять ей право поступать по собственному усмотрению. Кто стремится к личному превосходству, тот препятствует своему присоединению к обществу. Он желает не включения себя в целое, а подчинения других. Тем самым, разумеется, он нарушает гармонию в жизни, в обществе, среди своих близких. Поскольку ни один человек не может долгое время терпеть кабалу другого, то те, кто даже в своих любовных отношениях стремятся к власти над другой стороной, неминуемо будут наталкиваться на серьезные трудности. Если они хотят привнести свою склонность к высокомерию и превосходству в эротические отношения, то они должны либо подыскать партнера, который внешне будет им подчиняться, либо вести борьбу с партнером, который также стремится в эротике к превосходству или победе. В первом случае мы наблюдаем превращение любви в рабство, во втором случае предвидим постоянную, изнуряющую борьбу за власть, которая никогда не ведет к гармонии.

Пути, которые здесь избираются, чрезвычайно разнообразны. Существуют властолюбивые натуры, которые настолько боятся за свое честолюбие, за свою власть, что ищут только такого партнера, в превосходстве над которым они уверены, который, похоже, всегда будет им подчиняться. При этом речь отнюдь не идет лишь о никчемных честолюбцах - в нашей культуре одержимость стремлением к власти является общераспространенной чертой, неизмеримый вред которой для развития всего человечества продемонстрировали исследования индивидуальной психологии. Если бы, например, захотели изучить в этом направлении любовную жизнь Гёте, то с удивлением натолкнулись бы на чрезвычайную неуверенность, которую этот честолюбивый человек проявлял в вопросах любви.

Подобным образом мы можем понять часто встречающиеся в нашей жизни странности, когда в результате своего любовного выбора люди опускаются на гораздо более низкий и не соответствующий их положению социальный уровень. Например, не так уж редко бывает, что мужчина, занимающийся исключительно высшими вопросами человечества, поражает окружающих тем, что женится, скажем, на поварихе. Нас, подчеркивающих равноценность людей, это не обескураживает, но мы видим здесь своего рода регрессивное поведение и хотим понять его с точки зрения *действующего* человека, исследуя его конечную цель. Нам представляется нормой, что существуют люди, которые в социальном отношении, по своей

образованности и подготовленности к жизни наиболее подходят друг к другу. В большинстве случаев женихи, сделавшие не тот выбор, что от них ожидали, - это люди, которые крайне осторожно и с предубеждением относятся к проблеме любви, испытывают страх перед половым партнером и поэтому ищут партнера, обладающего, как им кажется, меньшей силой и энергией. Вполне возможно, что кто-то отклоняется от существующих норм из чувства *силы*. Однако чаще всего мы видим, что это происходит из слабости.

Тем самым такой выбор представляется иным осторожным натурам чрезвычайно удачным приемом, хотя они и не понимают своей конечной цели - скрыть любовью и эротикой свои более глубокие мотивы - и убеждены, что это всего лишь проделки Амура. Однако подобные отношения, развиваются, как правило, неудачно. Выясняется, что этот способ уклонения от конкуренции полов имеет многочисленные изъяны. Изъяны возникают, например, не из-за того, что интеллектуально более развитый или занимающий более высокое социальное положение человек разочаровывается, и не из-за того, что появляются проблемы общественного характера, когда "более простой" партнер не отвечает определенным требованиям и тем самым привносит сложности в семейную и общественную жизнь. Эти и другие внешние факторы можно было бы устранить и преодолеть, если бы только удалось осуществить конечную цель "вышестоящего" партнера. Однако странный факт: стоящий на более низкой ступени партнер не может долго *терпеть*, видя, как злоупотребляют его слабостью. Даже если он не понимает, в чем тут дело, его все же не покидает *чувство*, что его недостатки использовались в корыстных целях. Из-за этого чувства он начинает, так сказать, мстить; он постарается доказать, что не хуже другого.

Случаев подобного рода множество. Нередко молодая, утонченная, духовно богатая девушка отдается в руки ничтожного, часто даже порочного человека с возможной идеей спасти его, кого, как ей кажется, она любит, вырвать его из когтей алкоголизма, игорной страсти, апатии. Еще никогда не удавалось спасти таких людей любовью - подобная затея почти всегда обречена на провал. "Нижестоящий" человек в любом случае чувствует недовольство тем, что его считают ниже себя. Он не позволяет себя любить и спасать, поскольку движущие силы его жизненной позиции совершенно иные и обычному разуму, "common sense", непонятны. Возможно, он давно уже отказался от надежды, что из него еще может что-нибудь выйти, и видит в каждой ситуации, *предъявляющей ему требования* как социальному человеку, новую опасность, в которой может отчетливо проявиться его предполагаемая неполноценность.

Нам известно также большое число людей, которые имеют необъяснимую при другом способе рассмотрения склонность исключительно к любовным партнерам с физическими недостатками. Существуют юные девушки, которые увлекаются только пожилыми мужчинами, и точно так же встречаются обратные варианты. Эти факты справедливо обращают на себя внимание и требуют нашего объяснения. Если в таком случае мы рассмотрим отдельных людей, то, наверное, обнаружим иногда обоснованное, естественное объяснение, однако подобная склонность всегда также соответствует стилю жизни этих людей - идти *по линии наименьшего сопротивления*.

Далее, мы встречаем людей, которые проявляют любовную склонность только к таким партнерам, которые уже несвободны. Этот странный факт может говорить о самых разных намерениях. При определенных обстоятельствах он может означать "нет" в ответ на требования любви, стремление к невозможному, иногда неисполнимый идеал. Но он может также говорить о такой черте, как "желание отнимать", привносимой некоторыми людьми в эротику и обусловленной их стилем жизни в целом. Сначала мы хотели бы рассмотреть то бесчисленное множество случаев, когда ухажеры хотят уклониться от эротической задачи жизни и пытаются сделать это подобным, в наше время не столь уж и необычным способом.

Есть люди, которые увлекались созданным в их воображении образом. Эта позиция отчетливо выражает конечную цель: они вообще ничего не хотят знать о любви и браке и живут такими мечтаниями, которые, по всей вероятности, никогда не смогут осуществиться. То же самое относится к подавляющему большинству случаев *несчастной любви*. Чаще всего она является средством реализовать то, что изначально было жизненной целью: создав видимость правоты, отстраниться от жизни, от мира. В этих случаях несчастная любовь может быть не такой уж

несчастной с точки зрения осуществления этой цели. Она находит тех людей, которые уже изначально были готовы пуститься наутек, столкнувшись с вопросами жизни и прежде всего любви. Благодаря этому трюку, этой уловке такая готовность к бегству получает иногда желанное усиление. Подобная уловка не всегда берется из воздуха - она прикрепляется к каким-либо действительным жизненным отношениям и уже не выглядит уловкой, а становится похожей на естественный результат опыта. Очень многие люди еще не стали полностью зрелыми для общества, они видят в отношениях любви и брака опасную зону и выражают свои незрелые представления разнообразными, но зачастую внешне непонятными способами. Если послушать, что они говорят на эту постоянно угнетающую их тему, то можно услышать общие фразы, которые в определенной связи, пожалуй, могут быть верными и не кажутся легкомысленными. Если, например, в целом нерешительный человек полагает, что он не женится потому, "что жизнь сейчас так трудна", то каждое его слово, пожалуй, является верным для тех, кто женат, но вместе с тем и для тех, кто не женат. Однако подобные истины высказываются только теми, кто сказал бы "нет" и без этих истин; разве что они подхватили бы тогда другие "истины". Было бы недипломатично обосновывать предвзятое намерение плохими доводами, если повсюду можно найти хорошие. Кто имел возможность убедиться в ужасающей распространенности типа людей, которые пускаются наутек, оказавшись перед решением жизненно важных вопросов, не будет удивляться облачению этой черты в эротику.

Для бегства особенно годится не раз уже испытанная уловка. Создается новая идея, особый идеал. По этому идеалу оцениваются теперь все люди, которые встречаются на жизненном пути. В результате оказывается, что *никто* не подходит. Все не соответствуют идеалу, и если мы их отвергаем и исключаем, то наше поведение выглядит лишь благоразумным и вполне обоснованным. И только если мы выхватываем и рассматриваем отдельный случай, то понимаем, что столь благоразумно выбирающие люди даже без своего идеала заранее были готовы сказать "нет". В идеале воплощаются открытость, правдолюбие, мужество и т. д. Они представляют собой понятия, которые мы можем по своему усмотрению расширять и растягивать до тех пор, пока они не превысят всякую человеческую меру. Поэтому мы можем желать чего-то, что мы уже заранее "сделали" недостижимым.

Эта уловка - не любить никого, потому что любишь что-то недостижимое - находит различные возможности *конкретизации*. Мы можем любить человека, который появился однажды на короткое время, произвел впечатление, исчез и теперь найти его уже невозможно. Потребовалось бы обойти весь мир, чтобы его найти. В первый момент мы оказываемся растроганными, услышав о такой искренней и верной любви. Однако условие, которое выдвигается здесь для осуществления любви на земле, а именно - обойти весь мир, чтобы его найти, является сверхчеловеческим и подтверждает наши уже пробудившиеся подозрения.

Мы можем также и сами "сделать" человека недостижимым. Часто у поклонника уже с самого начала его ухаживаний создается впечатление, что у него здесь нет никаких шансов. Это обстоятельство тотчас становится исходным пунктом последующих действий. Он думает, что не сможет жить без любимого человека, ухаживает за ним, хотя всякому объективному наблюдателю кажется невероятным, что тот когда-нибудь обретет взаимную любовь. Да и он сам об этом говорит. Часто можно также наблюдать, что такие ухаживания принимают форму, которая уже сама по себе способна вызвать протест другого, поскольку они, например, являются слишком настойчивыми или происходят в то время, когда нет и не может быть каких-либо гарантий совместной жизни.

Целью подобных ухаживаний *является несчастная любовь*. Прямо-таки поразительно, как много людей в своих ухаживаниях держат курс на цель несчастной любви. Но если взглянуть со стороны, то следовало бы подумать, что такое поведение отнюдь не в природе человека. Тем не менее по этим людям совершенно не видно, что здесь мы имеем перед собой сплошь "беглецов". В таких случаях индивидуально-психологическое исследование делает очевидным, что несчастная любовь для такого рода людей означает прекрасное убежище. Ибо если человек пять или десять лет носится со своей несчастной любовью, то, собственно, на протяжении всего

этого времени он оказывается защищенным от необходимости решать этот вопрос. Он много страдал, заплатив за осуществление своего намерения, но своей цели, которая для него самого оставалась бессознательной, которую он сам не понимал, а именно - отстраниться от решения вопросов любви и брака, он достиг полностью - с чистой совестью и имея оправдания. То, что эта цель и это его решение, которое, собственно говоря, решением *не* является, не уживаются с реалиями и логикой совместной человеческой жизни, является, по существу, его трагедией, и только благодаря такому глубочайшему пониманию здесь можно вмешаться и что-то поправить.

Любовная склонность к людям, уже сделавшим свой эротический выбор, не всегда означает "нет"для своего чувства. История выдающихся людей может показать нам, что в нашей такой сложной культуре люди растут с ярко выраженным желанием отнимать, захватывать. Следствием стремления к замужним женщинам всегда являются действия, направленные на то, чтобы завладеть объектом любви, даже если внешне эти действия часто сохраняют самую благородную форму. Одним из этих типов, по всей видимости, является Рихард Вагнер, во многих художественных творениях которого существует конфликт: герой домогается женщины, которая уже принадлежит другому. Да и жизнь Рихарда Вагнера демонстрирует подобную линию поведения.

В целом чувство неуверенности определяет многие формы эротики. Существуют молодые мужчины, которые испытывают симпатию только к старшим женщинам, ошибочно предполагая, что здесь трудности совместной жизни будут менее значительными. Они также выдают свое чувство слабости известной потребностью в материнской опеке; чаще всего они относятся к изнеженным людям, испытывающим сильную потребность в опоре, о которых говорят, что им "все еще нужна нянька". Они дополняют тот тип, который по отношению к противоположному полу никогда не может иметь достаточной уверенности и, сталкиваясь с ним, впадает в величайшее беспокойство. В нашей культуре существует огромное число таких неуверенных людей; они отмечены серьезным изъяном современной фазы развития: *страхом любви и брака*. Это не исключение, а общая черта времени. Современное общество кишит беглецами. Вследствие какой-то неудачной и ошибочной позиции они словно постоянно находятся в бегах, всегда ведут себя так, как будто за ними гонятся. Существуют мужчины, которые изолируются и скрываются, существуют девушки, которые не осмеливаются даже выйти на улицу, убежденные, что все мужчины их домогаются и что они всегда будут лишь объектом нападения. Здесь свою роль играет в чистом виде тщеславие, зачастую способное полностью испортить жизнь человека.

Опыту и знаниям можно найти хорошее или плохое применение. Среди плохих применений мы встречаем гипертрофированное исправление ошибки, которое само есть ошибка. Противоположностью сдержанности и замкнутости является открытость, и, таким образом, мы встречаем людей, которые открыто совершают ошибки. Существуют люди, которые всегда демонстрируют склонность *навязываться* другим. Как бы ни было прекрасно открыто заявлять о своей любви, тем не менее мы также глубоко убеждены, что в нашей далеко непростой культуре человек совершает таким образом серьезную ошибку. Собственно говоря, нет ни одного человека, который бы спокойно относился к таким признаниям, и тогда поступивший опрометчиво человек не только сам вынужден терпеть муки раскаяния и нести бремя возникающих проблем, но и мешает партнеру в естественном развитии его любовных побуждений, ибо при повсеместно распространенных злоупотреблениях, которые творятся с любовью, при существующем напряжении и борьбе полов никогда в точности неизвестно, было ли признание настоящим и искренним и не скрываются ли за ним какие-нибудь дурные намерения. Здесь нет никаких твердых законов. Наша задача - учитывать особенности партнера и придерживаться реалий культуры. Сегодня, скорее, было бы лучше несколько обуздать свои склонности.

Особую роль играет любовь, как счастливая так и, еще в большей степени, несчастная, у *художников*. Мы можем, пожалуй, сказать, что несчастная любовь представляет собой настолько общее явление времени, что едва ли найдется хоть один человек, который не пострадал бы от

нее. Однако среди людей, которые с особой чувствительностью относятся к жизни, особенно видную роль играют художники. Они будут обращать на себя внимание уже тем, что в своем искусстве стремятся найти жизнь "рядом с жизнью", не занимаются реальностью, а ищут замену миру, едва ли не отворачиваются от действительности, но, правда, только тогда становятся истинными художниками, когда создают такие творения, которые будут полезны реальному миру. Любое художественное произведение становится таковым лишь благодаря тому, что оно обладает всеобщей ценностью, благодаря тому, что художник в своем творении находит обратный путь к общности и действительности.

В уклонении от реальной жизни заключена тенденция воспринимать институт любви и брака, делающий акцент на реальности жизни, как враждебный и мешающий. Мы встречаем многих художников, понимающих узы жизни буквально как оковы, как препятствия и даже безмерно развивающих это представление в своей фантазии. Они едва ли могут преодолеть воспринимаемые как чрезмерные эти препятствия, оказываются в своих любовных отношениях перед неразрешимой задачей и демонстрируют при этом не только движения любящего человека, но - вместе с тем и в еще гораздо большей степени - движения человека, обращающегося перед любовью в бегство. Это выражается в мыслях и произведениях, которые отражают человеческие проблемы в гиперболизированной форме. Партнер противоположного пола так или иначе воспринимается как более сильный, и вскоре сфера любви приобретает характер опасности. Эту мысль, выраженную чуть ли не буквально, можно встретить в сочинениях поэтов и писателей. Все проблематичные натуры имеют одинаковую черту, поскольку все они чрезвычайно честолюбивы и чувствительны и воспринимают любой ущерб своей полноте власти как тяжелое оскорбление или опасность. Так, поэт Бодлер говорит: "Я не могу думать о красивой женщине, не ощущая при этом огромной опасности".

Человек, вступивший однажды в предполагаемую "опасную зону", демонстрирует нам последовательность защитных и оборонительных действий. Хеббель в письме, которое он, будучи юношей, посылает своему другу, описывает свои ощущения примерно следующим образом: "Конечно, я опять здесь живу напротив самой красивой девушки в городе и по уши в нее влюблен; но, надо надеяться, и здесь тоже рядом с ядом вскоре найдется противоядие... И если сегодня я еще раз увижу, как к ней через окно поднимается ее возлюбленный, то с моим чувством к ней будет покончено". Таков выход человека, о которого, собственно, следовало бы ожидать других действий.

Угроза, исходящая от женщины, является постоянным лейтмотивом в искусстве. Посмотрите на картины художника Ропса, где женщина изображается как опасность, как нечто внушающее страх или по меньшей мере как огромная власть. Искусство сегодня - это главным образом мужское искусство, оно несет в себе мужскую традицию, выражает преимущественно мужские проблемы и возвышает женщину до того магического или внушающего страх образа, каким она предстает в глазах многих мужчин. Женщины не могут идти вровень с этим мужским идеалом времени и сталкиваются, занимаясь искусством, с проблемами, но не потому, что они неспособны, а потому, что не могут быть подчинены гипертрофированному мужскому идеалу. Предисловие к "Тысяче и одной ночи" показывает нам, с каким страхом автор отмечает хитрость и лукавство женщины, которая благодаря невероятной по сравнению с мужчиной изобретательности спасает свою жизнь. Самые древние произведения искусства, например Библия, которая даже в детские годы увлекает читателей своим особым настроением, пронизана постоянными мыслями о том, что женщина представляет собой опасность, из-за чего ребенок растет робким, нерешительным, неуравновешенным по отношению к женщине. Одно из величайших художественных произведений, "Илиада", с большой точностью изображает несчастье, которое принесла женщина. Во всех поэтических произведениях, во всех произведениях искусства звучит проблема времени: женщина как опасность. Грильпарцер говорит о себе: "От любви я спасался искусством".

Мы не в состоянии сразу предсказать, как отразится на человеке его склонность к несчастной любви. Вся его жизненная позиция, его линия жизни являются здесь крайне важными. Если

перед нами человек, который при возникающих трудностях теряет мужество и перестает быть активным, то тогда и фиаско в любви может означать для него фиаско в жизни. В самой по себе несчастной любви эти последствия *не* содержатся. Тот, кого в соответствии с его жизненным планом трудности только подзадоривают, соберется с силами после несчастной любви и добьется больших успехов. Несчастная любовь не является ни трагедией, ни лекарством, следствием ее может быть и то и другое в зависимости от того, кем делается вывод - мужественным человеком или сокрушенным. Вульгарная психология часто указывает на большие достижения в результате несчастной любви. Иногда она рекомендует ее как лекарство. Мы знаем людей, которые многого добились и без несчастной любви. Истинное ядро этой полуправды состоит в том, что художники захвачены и увлечены проблемой любви в совершенно особой степени.

Особенно поучительной в этом отношении является жизнь Гёте. Он всегда видел в женщине опасность, всегда избегал ее и любви. Лейтмотивом "Фауста" является вечный поиск решения проблемы любви. Неудовлетворенный фактами жизни, он собственными силами, порывами и стремлениями строил свой мир и совершал перед нашими глазами волшебное превращение всего общечеловеческого. Величие его искусства состоит в том, что все, о чем он писал, находит в нас отклик, когда мы слышим вечно новую песню о напряженных отношениях между полами, в которых люди, заблуждаясь, боятся, что самоотдача равносильна потере личности, подчинению или рабству.

Упомянем здесь еще Шляйермахера, который в своей удивительной статье стремится показать, что любовь - совсем не простое дело и глупо считать, что человек, вступая в жизнь, уже что-то понимает в любви. Каждый, по сути, должен пройти определенную предварительную тренировку, более простую подготовительную школу. Также и этот чистейшей воды идеалист, уважаемый самыми религиозными людьми, не может игнорировать убеждения, что людям в любви не так уж легко найти друг друга.

Во время моих лекций по психологии, которые постоянно посещают примерно пятьсот человек, мне в основном задают вопросы о любви, и это свидетельствует о том, насколько труднее людям разобраться в этом вопросе, чем, например, в вопросах профессии.

Почему существует так мало счастливых любовных отношений? Мы все еще не являемся настоящими людьми, мы по-прежнему не зрелы в любви, потому что пока еще отстаем в социальности. Мы защищаемся всеми средствами, поскольку слишком боимся. Подумать только, на какие трудности наталкивается идея о совместном воспитании полов, которое нацелено только на то, чтобы оба пола заблаговременно утратили свою робость и страх и уже с юности имели возможность лучше познакомиться друг с другом.

Для проблем в любовных отношениях не существует лекарства в форме четкой инструкции. Повседневный опыт индивидуальной психологии снова и снова показывает, что обособление эротики человека является особенностью всей его личности, которую необходимо понимать в каждом отдельном случае. Мы должны понять связь всех проявлений человека, изменить его личность и его отношение к миру, чтобы изменить ложный путь его эротики. Линия поведения человека обязательно проявится и в любви. Она заставит его либо стремиться к несчастной любви и на ней застревать, либо позволит ему относиться к ней проще и приведет к подъему. Если это люди, которые, преисполнившись честолюбием, не способны выносить любого рода отказ, то из этой понятной в общем контексте ошибки покажется естественным самоубийство, и в нашем требующем подчинения обществе появится повод к крайне трагической ситуации, в которой уход из жизни связывается с местью обществу и отдельным людям.

Любовь культивируется, а отношения любви становятся прекраснее и утонченнее с культивацией и развитием охватывающего всех людей чувства общности. Отношения любви формируются не вдруг, а свидетельствуют о длительной подготовке. Эротическая связь всегда существует между людьми, однако чтобы она воспринималась и проявлялась как любовь, необходимы определенные условия. *Начало любовных побуждений* восходит к тем далеким

дням, где эти импульсы еще не являлись эротикой, еще не были сексуально окрашены, но где широкий еще поток чувства общности выливался в формах нежности и привязанности и где были очевидны только те общечеловеческие отношения, которые (подобно отношениям между матерью и ребенком) сразу связывает людей друг с другом, не образуя тех уз, которые служат вечности и прочности человечества - уз, которые мы называем *любовью*. Она является узами и одновременно делает человечество вечным. Эти отношения нельзя формировать по своему усмотрению, скорее следует допускать их воздействие. Знание об этом еще недостаточно, ибо человек способен обманываться относительно процессов, протекающих в собственной душе. Оба пола слишком легко попадают в вихрь *политики престижа* и играют роль, до которой не доросли и которая нарушает простоту и непринужденность их жизни и наполняет их предрассудками, из-за которых исчезает всякий след подлинной радости и всякое ощущение счастья.

Тот, кто усвоил эти идеи, хотя, разумеется, и не будет безгрешен, но по крайней мере сознательно останется на верном пути и вместо того, чтобы множить ошибки, сможет постоянно их уменьшать.